

ЕВРОПЕЙСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Журженко Татьяна

ГЕНДЕРНЫЕ РЫНКИ УКРАИНЫ:

*политическая экономия
национального строительства*

ВИЛЬНЮС
ЕГУ
2008

УДК 396:33](477)
ББК 60.54:65(4Укр)
Ж91

Рецензенты:

Ушакин С., кандидат политических наук, доктор философии (PhD), профессор кафедры славистики Принстонского университета;
Гапова Е., кандидат филологических наук, доцент, директор Центра гендерных исследований ЕГУ, доцент университета Западный Мичиган (США)

Ж91

Журженко, Т.

Гендерные рынки Украины: политическая экономия национального строительства (Gendered Markets of Ukraine: political economy of nation building). – Вильнюс : ЕГУ, 2008. – 256 с.

ISBN 978-9955-773-15-3.

Используя категорию «гендера», автор рассматривает противоречия национального строительства и рыночных реформ в пограничье Центрально-Восточной Европы. На примере Украины она показывает, что эти процессы не только по-разному влияют на социальный и экономический статус женщин и мужчин, их доступ к власти и возможности реализации гражданских прав, но и неразрывно связаны с трансформацией гендерных ролей и гендерных идентичностей, а также способов их воспроизводства. Переосмысливая две мета-парадигмы постсоветского переходного общества – «нацию» и «рынок» – с позиций феминистского критицизма, автор предлагает свой взгляд на национализм, демографические проблемы, дискуссии о «европейской идентичности» и «оранжевую революцию».

Издание адресовано философам, политологам, социологам, культурологам, а также всем, кого интересует гендерная проблематика.

**УДК 396:33](477)
ББК 60.54:65(4Укр)**

Издание осуществлено в рамках проекта
«Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова»
при поддержке Корпорации Карнеги (Нью-Йорк)

ISBN 978-9955-773-15-3

© Т. Журженко, 2008

© Европейский гуманитарный университет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РЫНКА.....	5
ВВЕДЕНИЕ	7
I. РЫНОК, НАЦИЯ, ГЕНДЕР	
Дискурс рынка и проблема гендера в экономической науке	17
Вписывая(сь) в дискурс национального: украинский феминизм или феминизм в Украине?	38
II. ПАДЧЕРИЦЫ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ	
Домохозяйка или бизнес-леди: неолиберализм и постсоветские женские идентичности	73
Женщины в челночном бизнесе: между эмансипацией и самоэксплуатацией	97
III. СЕМЬЯ КАК РЕСУРС И КАК СИМВОЛ	
Старая идеология новой семьи: постсоветский демографический национализм	118
Постсоветская семья в условиях рынка.....	145
IV. ДОМОЙ, В ЕВРОПУ: НАЦИЯ КАК СЕМЬЯ	
Между кланом, семьей и нацией: мужественность и женственность в «цветных революциях»	181
С мечтой о Европе: гендерные конструкции геополитической идентичности.....	215

CONTENTS

ON THE POLITICAL GEOGRAPHY OF THE INTELLECTUAL MARKET.....	5
INTRODUCTION.....	7
I. MARKET, NATION, GENDER	
Market discourses and the problem of gender in economic theory.....	17
Entangled in the national discourse: Ukrainian feminism or feminism in Ukraine?.....	38
II. STEPDAUGHTERS OF MARKET REFORMS	
Housewife or business woman: neoliberalism and post-Soviet female identities.....	73
Women in the shuttle-business: between emancipation and self-exploitation.....	97
III. FAMILY: RESOURCE AND SYMBOL	
The old ideology of the new family: post-Soviet demographic nationalism.....	118
The post-Soviet family under market conditions.....	145
IV. RETURNING TO EUROPE: NATION AS FAMILY	
Between clan, family, and nation: masculinities and femininities in the "color revolutions"	181
Dreaming of Europe: gendered constructions of geopolitical identity.....	215

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РЫНКА

Сборник «Гендерные рынки Украины: политическая экономика национального строительства» содержит статьи украинской исследовательницы Татьяны Журженко – как новые, так и публиковавшиеся ранее в международных журналах и научных изданиях. Объединение их под одной обложкой представляется естественным, поскольку все тексты связаны общей темой, рассматривая две главные «движущие силы» посткоммунистических трансформаций – нацию и рынок – в их взаимосвязи. Анализ взаимодействия национализма и либерализма – в постсоветском пространстве идеологий неразрывных и взаимообусловленных – сквозь перспективу гендерной теории делает сборник интересным для широкого круга исследователей. Главное интеллектуальное достоинство книги состоит в том, что она не «про Украину» (т.е. не только про нее), не про рынок (хотя и про него тоже) и даже не про гендер как наиболее значимую линию социального разделения. Автор анализирует процессы формирования политической нации и сопряженные с ними тенденции гендерной дифференциации в фундаментальных категориях переустройства социального порядка.

Книга «Гендерные рынки Украины» является попыткой выйти за рамки национальных и региональных моделей интерпретации, преодолевая таким образом новую символическую иерархию, складывающуюся в условиях постсоветского академического рынка. Особенность этого рынка состоит в формировании новых форм доминирования и исключения, связанных с тем, что именно – какие постсоветские страны, исследовательские темы и даже аналитические категории начинают рассматриваться в качестве «легитимных» для интерпретации и репрезентации постсоветского опыта, а какие

оказываются «локальными» как в географическом, так и в интеллектуальном смысле, неизбежно будучи оттеснены к краю поля символического производства. Этот процесс происходит одновременно с формированием еще одной системы иерархий, связанной с включением «Восточной Европы» и «постсоветского пространства» в глобальный интеллектуальный рынок. Эти включения и исключения оказываются соотношенными с политическими и экономическими интересами академических авторов; господствующему научному дискурсу оказываются соположены определенные политические и экономические институты. В рамках этих тенденций гендерные исследования, с одной стороны, включаются в процессы интеллектуальной «вестернизации» нашей «части света». С другой стороны, именно в силу обстоятельств проникновения гендерных теорий на постсоветское пространство и особенностей их функционирования в постсоветской академии часть из них трансформировала (или растеряла) свое радикальное содержание и потенциал деконструкции. Интеллектуальное напряжение текстов Татьяны Журженко возникает в результате применения провокационных гендерных концептов в контексте «посткоммунизма». Очень важно, что эта своевременная книга оказалась возможной, и особенно приятно, что это произошло во многом благодаря многолетнему сотрудничеству автора с Центром гендерных исследований Европейского гуманитарного университета.

Елена Гапова

ВВЕДЕНИЕ

В январе 2008 г. украинская пресса сообщила о том, что супруга президента Украины Катерина Ющенко приняла участие в торжественной церемонии вышивания «Рушныка национального единства», завершив вместе с киевскими вышивальщицами девятиметровое полотно. Эта всеукраинская общественно-политическая акция продолжалась в течение года, и за это время «Рушнык национального единства» объехал все регионы Украины. Стараниями местных вышивальщиц «рушнык» был украшен двадцатью семью неповторимыми орнаментами, представляющими все административные области Украины и объединенными в один сюжет: «Дерево жизни». Торжественное завершение этой акции было не случайно приурочено ко Дню соборности Украины – 22 января. Примерно в эти же дни в Украине в очередной раз разыгрались языковые страсти. В данном случае поводом послужило решение Национального комитета по телевидению и радиовещанию о стопроцентном дублировании продукции кинопроката на украинский язык. Особо острые дискуссии вызвала перспектива дублирования российских и русскоязычных фильмов. Министерство иностранных дел России, как водится, заявило об ущемлении прав русского языка. В феврале 2008 г. кинопрокатчики восточных и южных регионов Украины объявили забастовку, протестуя против украинизации кинопроката. И наконец, последний пример: в декабре 2007 г. депутаты оппозиционной фракции «Блока Литвина» направили президенту Украины открытое письмо с требованием принять меры для улучшения положения украинских трудовых мигрантов за рубежом. Подчеркивая необходимость улучшения правовой защиты мигрантов, а также создания условий для их возвращения на родину, депутаты заявляли, что «Украина

должна повернуться лицом к своим сыновьям и дочерям и не дать им окончательно превратиться в пасынков». Хотя проблемы женской трудовой миграции в этом документе специально не обсуждаются, упоминания о работоторговле и принудительной проституции, оставленных дома детях и демографическом кризисе задают основные параметры господствующего дискурса о женщинах-«заробитчанках».

Эти события, произвольно выхваченные из бесконечного политического калейдоскопа сегодняшней Украины, при ближайшем рассмотрении оказываются связанными между собой больше, чем представляется на первый взгляд. Они иллюстрируют противоречия национального строительства на постсоветском пространстве: попытки консолидации нации на основе государственного языка и культурных символов, оборачивающиеся новыми конфликтами и политизацией региональных различий; борьбу за пересмотр символических границ нации, сопровождающуюся появлением новых «других»; апелляцию к женщине как к символу гармонии и национального согласия и в то же время – стремление возложить на нее ответственность за демографические и социальные проблемы в стране. Почему «оранжевая революция», объединившая своих сторонников под лозунгами «возвращения в Европу» и «гражданского национализма», демократии и борьбы с коррупцией, привела в результате к усилению культурно-этнического национализма и языковых страстей? Почему «европейская нация» предпочитает репрезентировать себя посредством фольклора, этнической символики и традиционных гендерных ролей? Почему именно женская трудовая миграция – продукт рыночных реформ 1990-х и современной глобализации – оказывается сегодня в центре политических дебатов о демографическом кризисе и сохранении национальной идентичности?

Я не могу дать исчерпывающие ответы на эти вопросы, однако предлагаю некоторые подходы к их обсуждению. Эта книга – не монография в традиционном смысле, но в то же время она представляет собой нечто большее, чем сборник статей. Собранные здесь тексты написаны мной на протяжении последних нескольких лет по разным поводам, будучи в то же время связаны одним долгосрочным исследовательским интересом. В фокусе этого интереса – процессы радикальной перестройки (пост)советского общества на основе двух метапарадигм – «нации» и «рынка»; встреча, конфликт и взаимодействие двух доминирующих идеологий – национализма и неолиберализма. Проект европейской украинской нации, «изобретаемой заново» как свободное и «открытое» рыночное общество, явно или имплицитно опирается на гендерные дискурсы и новые символические репрезентации женственности и мужественности, предполагает реорганизацию гендерного порядка и переопределение гендерных ролей. Уже хотя бы поэтому «нация» и «рынок», обычно разделенные границами академических дисциплин, находятся в одном проблемном поле. Рыночные реформы и национальное строительство в постсоветской Украине не просто разворачи-

вались параллельно, но и взаимно влияли друг на друга. Эти процессы рассмотрены в книге на разных уровнях – от общенациональных дебатов о европейской идентичности и геополитическом выборе – до «экономики выживания» украинских семей в переходный период и частного случая женщин-челночниц, по-своему отвечающих на вызов рыночных реалий. Такой подход связывает метаидеологии переходного периода и макротрансформации государства и экономики с микромиром повседневности и изменениями индивидуальных женских идентичностей.

Здесь не место для дискуссии о правомерности и продуктивности использования понятия «гендер» в постсоветском контексте и адекватности «гендерных студий» в Украине англоязычному эквиваленту. Я разделяю подход тех авторов, которые используют категорию «гендер» для анализа новых властных иерархий и механизмов исключения, возникающих в процессах национального строительства и рыночных реформ. Как показано в книге, эти процессы не только по-разному влияют на социальный и экономический статус женщин и мужчин, их доступ к власти и возможности реализации гражданских прав; что еще более важно, они неразрывно связаны с трансформацией гендерных ролей и гендерных идентичностей, а также способов их воспроизводства. Поэтому категория гендера служит в книге не столько для описания «последствий реформ» для «положения женщин», сколько для объяснения механизмов, с помощью которых «свобода рынка» и «интересы нации» утверждаются в качестве фундаментальных оснований новой социальной реальности. Моя позиция заключается в том, что нельзя адекватно понять экономические и политические преобразования в постсоветских обществах, не принимая во внимание сложные процессы переустройства гендерного порядка.

Эта книга – скорее коллаж, чем монументальная панорама. Возможно, читатель найдет в этом свои преимущества. Написанные на протяжении нескольких лет и собранные под одной обложкой статьи позволяют увидеть постсоветскую реальность как «движущийся объект» исследования. Они обнаруживают также, как менялись мои исследовательские приоритеты и политическая позиция по мере того, как увеличивалась дистанция, отделяющая нас от советской эпохи. Поэтому эту книгу можно читать как ретроспективу, позволяющую с сегодняшних позиций по-новому увидеть романтические мечты перестройки, травму крушения империи и надежды, связанные с независимостью, шок либеральных рыночных реформ и болезненные противоречия национального строительства. В то же время она может быть прочитана с точки зрения перспективы: события, последовавшие в Украине за президентскими выборами 2004 г., взломали устоявшуюся стабильность полуавторитарного режима и сложившийся консенсус властных элит, разбудили общество и втянули его в политическое противостояние. Однако ответов на новые вопросы пока нет, и новый «общественный договор», устраивающий конфликтующие стороны, будет, очевидно, заключен не

скоро. «Оранжевая революция» вновь вынесла на повестку дня затихшие было дискуссии о нации и национализме, подтолкнула Украину к идеалу европейской политической нации и в то же время до предела углубила региональные, языковые, культурные противоречия и деления. Она обозначила разрыв с постсоветским состоянием, который, однако, не сопровождался существенными сдвигами в сторону западной модели демократии.

Свою задачу как автора я видела в том, чтобы соединить анализ конкретных проблем с критикой парадигмы объективности и нейтральности, преобладающей в постсоветских социальных науках и тем более в экономике и оборачивающейся слепотой к собственным идеологическим предпосылкам и политическим интересам ее носителей, а также нечувствительностью к маргинальным (например, женским) голосам. Так, например, первая глава посвящена вопросу о том, почему теории рынка и переходной экономики имплицитно определяют женщину как неполноценный экономический субъект.

В то же время критический импульс книги направлен против доминирующих дискурсов неолиберализма и национализма. Эти метаидеологии сопутствовали друг другу со времен горбачевской перестройки и совместными усилиями обеспечили делегитимацию государственного социализма и «советской империи». Коммунистический режим, по мнению его критиков, подавлял как национальные чувства, так и экономическую свободу индивида. Неудивительно, что перспективы освобождения личности связывались одновременно с рыночной либерализацией и с возрождением нации. Такая историческая констелляция принципов «свободного рынка» и «нации», понимаемой прежде всего как этнокультурное сообщество, имела далеко идущие, еще до конца не осознанные последствия для постсоветских обществ. Замечу лишь, что «счастливый брак» национализма и неолиберализма, представляющийся нам сегодня естественным и единственно возможным, уже не покажется таковым, если вспомнить, что на протяжении XX в. национализм, как правило, искал союзника в лице социализма. Лишь в 1980-е гг. в Восточной Европе энергия пробуждающегося национализма была подхвачена пришедшей с Запада неолиберальной волной. Неолиберализм в его восточноевропейской версии появился прежде всего как лекарство от коммунизма – он предполагал, что новое, лучшее общество возникнет спонтанно на основе законов рынка, если старое разрушено «до основания». И хотя сегодня идеи неолиберализма вышли из моды, он успел выполнить свою историческую миссию – новые государства, возникшие на обломках советской империи, обязаны ему как своими достижениями, так и проблемами. И даже Россия и Беларусь, где политический маятник, казалось бы, качнулся в противоположную сторону – в сторону жесткого государственного контроля над «невидимой рукой» рынка – лишь подтверждают этот вывод.

С конца 1980-х гг. «свободный рынок» функционировал как новая мифология, обещающая решение всех проблем. Механизмы рынка представля-

лись критикам социализма не только более эффективными по сравнению с административно-командной системой и государственным планированием. Воображаемое рыночное общество казалось также более справедливым по сравнению с уравнилельным социализмом, адекватно вознаграждающим за труд, инициативу и ответственность. «Свободный рынок», таким образом, предлагал новую концепцию гражданства, в основе которой лежала экономическая свобода. Граждане этой новой нации представлялись свободными экономическими субъектами, независимыми от государства и друг от друга, с выгодой использующими собственные ресурсы и социальный капитал. Утопичность этой конструкции особенно очевидна именно с позиции женщины, существующей «в пограничье» между семьей и занятостью в общественном секторе, между рыночным сектором и домохозяйствами, между сферой, где действуют законы прибыли и экономической эффективности, и миром семейной солидарности и альтруизма. Способ существования женщины в рыночной экономике предполагает, с одной стороны, постоянное воспроизводство новой границы между «мужским» миром рынка и «женским» миром семьи. Как показано в третьей главе, рыночное общество предлагает постсоветской женщине способы интеграции в новую реальность: социальные роли и идентичности домохозяйки и бизнес-леди. С другой стороны, эта граница является неустойчивой и проницаемой (женщины-челноки, и не только они, постоянно ее пересекают), а в пограничной зоне существует множество квазирыночных форм (см. четвертую главу настоящей книги). Мой подход согласуется поэтому с выводами Майкла Буравого и Кэтрин Вердери, показавшими, что реакцией на экспансию рынка является сопротивление и творчество как неотъемлемая часть повседневных практик¹.

В противоположность классической абстракции «робинзонады», лежащей в основе неолиберальной парадигмы, люди в реальных обществах адаптируются и выживают семьями. Материальный, социальный и, не в последнюю очередь, эмоциональный капитал семьи оказался важнейшим внутренним ресурсом, востребованным в процессе постсоветских трансформаций – этот тезис развернуто проиллюстрирован в шестой главе.

Вопреки неолиберальной утопии, экономические законы не могут полностью подчинить себе культурную и политическую реальность – рыночные реформы натолкнулись на сопротивление групповых и индивидуальных интересов, унаследованных из прошлого ментальности и культуры. В то же время принципы рынка по-своему восторжествовали: произошла массовая конвертация административных и политических статусов, социального и культурного капитала в деньги, бывшая советская интеллигенция получила возможность «зарабатывать головой», а коррупция стала неотъемлемой частью постсоветской политики. Все получило свою цену – денежную или теневую, «женственность» и «мужественность» тоже стали товаром. Новые гендерные роли и идентичности воспроизводятся отныне посредством механизмов рынка, массового потребле-

ния, рекламы. Гендер стал также ходовым политическим товаром – в большинстве постсоветских государств возникли женские партии, а многие женские движения и организации оказались под патронатом олигархических кланов и президентских «семей». В начале 1990-х гг. много говорилось о том, что результатом рыночных реформ должно стать создание нового среднего класса как необходимого фундамента современных постсоветских наций. «Оранжевая революция» в Украине продемонстрировала, что такой средний класс уже существует, по крайней мере в столице. И в то же время она обнажила трудности строительства нации поверх колоссального разрыва между богатыми и бедными, возникшего за последние два десятилетия в результате неолиберальных рыночных реформ.

Концепция нации, в отличие от «свободного рынка», предполагает другой тип связи между индивидами, другую логику социальных отношений. Речь идет не об экономически независимых индивидах, связанных взаимной выгодой, а об органическом сообществе «своих» в противоположность «чужим», об идеале «семьи». Барбара Айнхорн проводит важное различие между нацией и национальным государством: нация – это идея, проект, «воображаемое сообщество». Националистические дискурсы проецируют этот проект на определенную территорию или этническую группу с целью создания (или изменения границ) национального государства². Нация является политическим сообществом, если она определяется посредством территории, национальных границ, конституционных принципов; она является культурным сообществом, если конституирует себя на основе общих культурных ценностей и символов – языка, фольклора, исторической памяти. В большинстве случаев, однако, политический и этнокультурный национализм дополняют (или оспаривают!) друг друга. На стыке различных политических дискурсов и конкурирующих проектов национального строительства почти всегда возникает зазор между символическими и географическими границами нации, территориальными и этнокультурными ее конструкциями. Эта множественность определений и проектов нации, сконструированность и плюральность ее границ особенно очевидны в случае Восточной Европы, однако отнюдь не являются монопольной особенностью этого региона. Попытки властных элит консолидировать национальные сообщества, достичь конгруэнтности между территориальными, культурными и лингвистическими границами неизбежно задействуют механизмы политического включения/исключения, порождают новые культурные иерархии и практики дискриминации, ведут к политизации региональных, языковых, этнических идентичностей.

Национализм, как двуликий Янус, несет в себе импульс политической и социальной модернизации и в то же время апеллирует к традиционалистским ценностям. Эта двойственность имеет отношение прежде всего к амбивалентной роли женщин в национальных движениях. Демократический национализм и политическая модернизация открывают для них возможности участия в пу-

бличной жизни и в политике, в то же время жестко задавая репертуар социальных ролей: прежде всего женщины – матери нации и в исключительных случаях – женщины-борца, соратницы мужчины. Национализм вмещает женщине в качестве ее главной функции, ее «святого долга» биологическое воспроизводство нации, ответственность за приумножение (и качество!) популяции. Так, например, противоречия идеологии и политики демографического национализма на примере России и Украины подробно рассмотрены в пятой главе этой книги. Как мать женщина несет ответственность за передачу новым поколениям ценностей, языка и культуры своего сообщества – эта роль может быть особенно значимой в тех этнических группах, которые ощущают себя в меньшинстве или под угрозой исчезновения. Не менее важно и то, что женщина несет основное «бремя символической репрезентации» своей нации; женское тело, сексуальность, манера одеваться часто маркируют границу между «ними» и «нами», а женщины считаются носителями «лучших качеств», чести и достоинства своей группы. Иногда же, наоборот, именно фигура женщины символизирует утрату национальной идентичности и постколониальный статус культуры. В последней главе я постаралась показать, какую роль играют репрезентации украинской феминности и маскулинности в дискурсах геополитической идентичности Украины и «европейского выбора». В то же время мне хотелось отойти от распространенного сегодня в гендерных исследованиях подхода, в соответствии с которым националистическая идеология главным образом манипулирует женщинами и инструментализирует женские движения в интересах национального строительства. Феминизм в Восточной Европе активно участвовал и продолжает участвовать в процессах «изобретения» наций, в переговорах по поводу их символических границ, в формировании коллективной памяти и национальной идентичности. Как показано во второй главе этой книги, феминизм и национализм могут заключать иногда взаимовыгодный альянс, а женщины нередко играют важную роль в модернизации и «де-маскулинизации» националистической идеологии.

На протяжении двух последних десятилетий мы являемся свидетелями и участниками трансформации «советского народа Украины» в украинскую нацию. Я, однако, не склонна рассматривать этот неизбежный процесс в терминах поступательной эволюции. Приблизившись к идеалу «национального государства» с присущим ему разделением на государствообразующую нацию и национальные меньшинства, мы закрыли для себя другие возможности «вообразить заново» постсоветскую Украину.

Формирование институтов демократии и политического гражданства, вполне оправданная политика повышения статуса «постколониальной» украинской культуры привели к углублению расколов и обострению конфликтов в обществе, к политизации региональных, языковых и этнических идентичностей, к возникновению новых аутсайдеров и маргиналов. Очевидно, что эти тен-

денции нельзя описать просто как изменение баланса между этнокультурными и гражданскими компонентами украинского национализма. Лидеры «оранжевой революции», хотя и апеллировали к языку и другим культурным символам, предложили проект обновления украинской политической нации на основе универсальных ценностей: свободы слова, открытости власти, борьбы с коррупцией. Речь шла по существу о переходе от «клана» и «семейственности» как до-модерной, неевропейской формы организации бизнеса и власти к современной нормативной нукlearной семье, отделенной от бизнеса и от политики, о восстановлении нормального с точки зрения либеральной демократии разделения на частную и публичную сферы (см. об этом седьмую главу). Однако кристаллизация гражданского национализма на киевском Майдане обернулась через некоторое время разочарованием в новой власти и обострением политического противостояния в обществе. Отвергнув «номенклатурную» модель национальной консолидации, реализованную бывшим президентом Леонидом Кучмой посредством баланса интересов региональных элит, новая власть вынуждена была обратиться к языку, этнокультурным символам и «виктимизирующему» нарративу исторической памяти как к новым (старым) инструментам консолидации.

Хотя книга написана в основном на украинском материале, проблемы, затронутые в ней, отнюдь не являются монополией Украины. Они актуальны для большей части того региона, который все еще принято называть постсоветским пространством, хотя собственно «советского» в нем становится все меньше. По мере геополитической дезинтеграции постсоветского пространства более актуальным становятся географические определения – Евразия, Восточная Европа, восточноевропейское пограничье. Этот сдвиг от темпоральных дефиниций к пространственным отражает признание того очевидного факта, что для некоторых стран «посткоммунистический переход» остался незавершенным и «возвращение в Европу» откладывается на неопределенное время. За последние несколько лет Украина переместилась на символической карте Европейского континента по направлению к Западу, однако граница, разделяющая Восточную Европу и Европу «нормальную», стала еще жестче. Выбор географических категорий для обозначения объекта исследования – это вопрос политический, и об этом тоже идет речь в данной книге.

Эта книга во многом обязана своим появлением Европейскому гуманитарному университету, прежде всего Центру гендерных исследований и его директору Елене Гаповой, а также Программе «Пограничье Центрально-Восточной Европы» и ее руководителю Павлу Терешковичу. Некоторые из включенных в этот сборник текстов были впервые представлены в ЕГУ на конференциях и семинарах, другие выросли из лекций, прочитанных для студентов университета. Елена Гапова так или иначе была причастна к рождению многих из них. Я особенно благодарна Сергею Ушакину, который прочитал рукопись и помог мне по-новому увидеть структуру этой книги. Я также выражаю благо-

Введение

дарность тем институциям, которые содействовали моей работе на протяжении этих лет: Фонду Дж. и К. МакАртуров, Институту гуманитарных исследований в Вене (Австрия), Программе INTAS и Университету Северного Лондона, Университету Торонто, Австрийскому Фонду поддержки научных исследований и Университету Вены, а также Харьковскому национальному университету им. В.Н. Каразина и, в частности, родному философскому факультету. Наконец, я выражаю особую благодарность украинскому художнику Александру Ройтбурду за любезное разрешение разместить на обложке фрагмент его картины «Танго».

Тексты, представленные в этом сборнике, частично были опубликованы ранее (иногда в сокращенном виде) в следующих изданиях: Дискурс рынка и проблема гендера в экономической науке // *Общественные науки и современность*. 1999. No. 5 (I, 1); Gender and Identity Formation in Post-Socialist Ukraine: the case of women in the shuttle business // *Feminist Fields: Ethnographic Insights* / ed. by Anderson, Cole and Howard-Bobiwash. Broadview Press, 1999 (II, 2); Free Market Ideology and New Women's Identities in Post-Socialist Ukraine // *The European Journal of Women's Studies*. Vol. 8 (1). 2001 (II,1); Старая идеология новой семьи: демографический национализм России и Украины // Семейные узы: модели для сборки / под ред. С. Ушакина. М., 2004 (III, 1); Families in the Ukraine: between postponed modernization, neofamilialism and economic survival // *Families in Eastern Europe* / ed. by Mihaela Robila // Elsevier. 2004 (III, 2); Между кланом, семьей и нацией: постсоветская маскулинность/феминность в «цветных революциях» // *Ab Imperio*. No. 1. 2007 (IV, 1). Здесь представлены дополненные и расширенные варианты статей. Все они были заново отредактированы в 2008 году. Тексты, опубликованные ранее на английском языке, переведены мною на русский. Главы «С мечтой о Европе» (IV, 2) и «Вписывая(сь) в дискурс национального» (I, 2) написаны специально для этой книги. Некоторые идеи, изложенные здесь, обсуждались также в моей монографии «Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине», опубликованной издательством «Фолио» в 2001 г. в Харькове.

Примечания

- ¹ Uncertain Transition. Ethnographies of Change in the Postsocialist World / ed. by M. Burawoy and K. Verdery. Lanham, 1999. P. 7.
- ² Einhorn, B. Insiders and Outsiders: Within and Beyond the Gendered Nation / B. Einhorn // Sage Handbook of Gender and Women's Studies / eds. K. Davis [et al.]. London; New Delhi, 2006. P. 198–215.